

Conceptualization of categories of superstitious and irrational beliefs

Temur KHABIEV¹

Branch of Lomonosov Moscow State University in Tashkent

ARTICLE INFO

Article history:

Received September 2025

Received in revised form

5 September 2025

Accepted 10 October 2025

Available online

25 October 2025

ABSTRACT

Modern studies in cognitive, social, and cultural psychology demonstrate that irrational and superstitious beliefs perform not only maladaptive but also adaptive functions, contributing to emotional regulation and the maintenance of meaning and psychological stability. The aim of the article is to analyze the structure and categorical content of students' superstitious beliefs and to identify their psychological and sociocultural functions. The results show that students' faith and irrational beliefs serve as mechanisms of emotional stabilization, meaning regulation, and compensation for uncertainty. Irrational forms of thinking function as culturally mediated modes of cognitive and existential adaptation, reflecting the individual's effort to maintain internal balance and a sense of control amid the uncertainty of the modern world.

2181-1415/© 2025 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss10/S-pp241-248>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Хурофот ва иррационал эътиқод категорияларининг концептуализацияси

АННОТАЦИЯ

Замонавий когнитив, ижтимоий ва маданий психология соҳасидаги тадқиқотлар шундан далолат берадики, иррационал ва хурофий эътиқодлар фақатгина дезадаптив эмас, балки шахснинг эмоционал регуляцияси ва маъновий барқарорлигини таъминловчи адаптив функцияларни ҳам бажаради. Мақоланинг мақсади – талабаларнинг суеверий қарашлари тузилиши ва уларнинг психологик ҳамда социомаданий функцияларини таҳлил қилишдир. Олинган

Калим сўзлар:
суеверий эътиқодлар,
иррационал фикрлаш,
сехрли тафаккур,
когнитив регуляция,
талабалар ёшлиги,
мослашув.

¹ PhD, Acting Associate Professor, Branch of Lomonosov Moscow State University in Tashkent. Tashkent, Uzbekistan. E-mail: t.habieff@yandex.com

натижалар шундан далолат беради, талабаларнинг иррационал эътиқодлари эмоционал барқарорлик, маъновий регуляция ва ноаниқликини компенсация қилиш функцияларини бажаради. Иррационал фикрлаш шакллари шахснинг когнитив ва экзистенциал мослашув усули сифатида намоён бўлиб, замонавий дунёдаги ноаниқлик шароитида ички мувозанат ва назорат ҳиссини сақлаб қолишга ёрдам беради.

Концептуализация категорий суеверных и иррациональных убеждений

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:
суеверия,
иррациональные
убеждения,
магическое мышление,
когнитивная регуляция,
студенческая молодёжь,
адаптация.

Современные исследования в области когнитивной, социальной и культурной психологии демонстрируют, что иррациональные и суеверные убеждения выполняют не только дезадаптивные, но и адаптивные функции, обеспечивая эмоциональную регуляцию и смысловую устойчивость личности. Целью статьи является анализ структуры и категориального содержания суеверных представлений студентов, а также выявление их психологических и социокультурных функций. Результаты свидетельствуют о том, что вера и иррациональные установки студентов выполняют функции эмоциональной стабилизации, смысловой регуляции и компенсации неопределенности. Иррациональные формы мышления проявляются как культурно обусловленные способы когнитивной и экзистенциальной адаптации, отражающие стремление личности сохранить внутреннее равновесие и чувство контроля в условиях неопределенности современного мира.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современные исследования в области когнитивной, социальной и культурной психологии демонстрируют, что иррациональные формы мышления выполняют не только дезадаптивные, но и функционально значимые роли в регуляции психической жизни человека. Они способствуют поддержанию субъективного чувства предсказуемости и когерентности мира, снижая уровень экзистенциальной тревожности и создавая иллюзию контроля над неопределенностью (Vyse, 2014; Lindeman & Aarnio, 2007). В психологической литературе суеверные представления интерпретируются как разновидность магического мышления, направленного на восстановление субъективного чувства контроля в условиях неопределенности (Vyse, 2014). В рамках когнитивной парадигмы они рассматриваются как следствие использования эвристик и когнитивных искажений, порождающих иллюзорные причинно-следственные связи между независимыми событиями (Gilovich, 1991; Wiseman & Watt, 2004).

Ряд исследователей отмечает, что иррациональные убеждения могут выполнять адаптивные функции, снижая тревожность и поддерживая субъективное ощущение упорядоченности мира. В этом контексте суеверие выступает не только как когнитивная ошибка, но и как элемент психологической компенсации. Вера в «удачу» и использование символьических ритуалов обеспечивает эмоциональную саморегуляцию и стабилизацию самооценки в ситуациях неопределенности (Hobson et. al., 2018). Согласно S. Epstein (1994), рациональные и интуитивные системы мышления функционируют параллельно, и доминирование интуитивной системы способствует укоренению иррациональных верований.

В психологической традиции исследование иррациональных форм мышления имеет глубокие теоретические основания. Так, магическое мышление связывалось с первичными когнитивными структурами и эмоционально-смысловой организацией опыта, что представляет собой специфическую форму адаптации к окружающей реальности (Выготский и Лuria, 1993). Современные исследователи акцентируют внимание на смыслообразующих аспектах суеверных представлений, рассматривая их как элементы субъективной картины мира и формы осмысления неопределенности (Леонтьев, 2020; Асмолов, 2019). Иррациональные убеждения в этом контексте предстают не как отклонение от рационального мышления, а как культурно и личностно обусловленный способ когнитивной и экзистенциальной адаптации.

Социально-когнитивный подход позволяет рассматривать суеверия как продукт взаимодействия индивидуально-психологических и социокультурных факторов. Анализируя различные нейрокогнитивные подходы к изучению этого феномена, выделяются две ключевые модели. Первая – гиперактивный детектор агентности (HADD), отражающий склонность приписывать намерения и сознательные причины даже случайным явлениям. Вторая – предиктивное кодирование (PC), согласно которой мозг предсказывает результат сенсорной обработки с целью минимизации «ошибки предсказания» (Andersen, 2019). Модель HADD менее подтверждена экспериментально, тогда как модель PC более достоверно объясняет ложное обнаружение агентности. Культурная обусловленность веры в духов и низкая точность сенсорных сигналов (туман, темнота, шум) повышают вероятность того, что мозг интерпретирует неоднозначный стимул, например шорох в лесу, как действие сверхъестественного агента.

Исследования последних лет показывают, что в молодёжной среде суеверные и иррациональные убеждения часто выполняют функции эмоционального саморегулирования и поддержания идентичности. Молодёжь, обучающаяся в высших учебных заведениях, нередко использует символические действия – ношение «счастливых» предметов (талисманов, оберегов) и следование приметам перед экзаменами, а также избегание «неблагоприятных» действий (не мыть голову, не открывать зачетку, не стричь волосы) – как способы компенсации чувства неопределенности в учебной и социальной сферах (Rudski et al., 2007; Boyer & Liénard, 2020). Эти формы поведения коррелируют с личностными характеристиками, такими как нейротизм, повышенная тревожность и сниженный уровень критического мышления (Pennycook et al., 2015).

Психологическая структура суеверных убеждений включает когнитивный компонент (убеждённость в сверхъестественных причинах событий), аффективный (эмоциональное подкрепление веры), поведенческий (ритуальные практики и следование приметам) и экзистенциальный (поиск смысла и порядка в хаотическом опыте). Иррациональные верования можно рассматривать как элементы смыслового поля личности, отражающие способы субъективного упорядочивания жизненного мира (Петренко, 2010). Исследование категориальной структуры суеверий позволяет выявить не только когнитивные механизмы, но и экзистенциальные функции данных убеждений.

Таким образом, феномен иррациональных и суеверных представлений в современном социокультурном контексте следует рассматривать не как архаичный пережиток, а как универсальный психологический механизм, обеспечивающий баланс между рациональностью и эмоционально-смысловой сферой личности. Иррациональные убеждения, будучи встроеными в культурный контекст, служат средством смысловой стабилизации личности, соединяя социально-культурные нормы с индивидуальными стратегиями совладания. Они выступают своеобразным «психологическим языком», посредством которого человек осмысляет неопределенность, трансформируя внешние угрозы в управляемые и предсказуемые формы. Следовательно, суеверия нельзя рассматривать исключительно как когнитивные ошибки – скорее, это формы культурно опосредованной психологической адаптации, сохраняющие свою значимость в современном образовательном и социальном пространстве.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании анализировались экспертные оценки утверждений, отражающих различные формы суеверных и сверхъестественных убеждений. Целью анализа являлось выявление содержательных категорий, в рамках которых распределяются подобные утверждения, а также оценка частоты и значимости их проявления по мнению экспертов. Респондентами выступили 15 студентов 4 курса по направлению обучения психология. Общее количество респондентов – 15. В качестве утверждений были подобраны убеждения и действия, носящие характер суеверий. Анализ литературных источников позволил выделить 121 утверждение. Затем, респонденты оценивали каждое из них по 5-ти балльной шкале, по критерию частоты встречаемости в их повседневной жизни. Надёжность экспертных оценок проверялась с помощью коэффициента конкордантности Кендалла ($W = 0,52$; при $p \leq 0,05$), что свидетельствует о среднем уровне согласованности мнений специалистов, допускающем обобщение полученных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Контент-анализ проводился на основе объединения утверждений в тематические группы, отражающие типологию верований. Каждое утверждение было отнесено к одной из содержательных категорий, исходя из его смысловой направленности. При этом учитывались как смысловое ядро утверждения, так и характер представленных оценок (высокая частота и согласованность трактуются как индикатор релевантности категории). С помощью агентов искусственного интеллекта (Chat GPT-5) был проведен подсчет частоты встречаемости утверждений и соотнесение их с категориями. Ниже представлены категории суеверных убеждений и действий.

Таблица №1.

Категории контент-анализа суеверных убеждений и действий

№	Категория	Примеры утверждений	Средняя частота встречаемости
1.	Религиозные и духовные практики	«Молюсь перед важными событиями», «Верю, что Бог слышит мои молитвы», «Соблюдаю религиозные посты».	4.8
2.	Суеверия и народная магия	«Верю в сглаз и порчу», «Не выношу мусор вечером», «Если чёрная кошка перебежала дорогу – это к неудаче».	4.3
3.	Социально-культурные традиции и ритуалы	«Следую традициям семьи в праздничных обрядах», «Посещаю кладбище на определённые даты».	4.0
4.	Магическое мышление и оккультизм	«Ношу талисман на удачу», «Верю в гороскопы», «Советуюсь с астрологом».	3.8
5.	Фатализм и предопределённость	«Считаю, что всё предопределено», «Верю, что судьбу изменить нельзя».	3.5
6.	Психологические и символические убеждения	«Стараюсь мыслить позитивно, чтобы притянуть удачу», «Считаю, что злость привлекает беду».	3.4
7.	Эзотерические и энергетические верования	«Верю, что у человека есть аура», «Полагаю, что мысли материальны».	3.2

Согласно полученным результатам контент-анализа (см. табл. 1), выделенные семь категорий, отражающих различные смысловые и функциональные аспекты религиозных и иррациональных представлений личности. Каждая категория репрезентирует особый тип когнитивно-смысловых конструкций, отличающихся степенью институциональной нормативности, личностной вовлечённости и характером субъективной причинности:

1. Религиозные и духовные практики (4.8/5.0 частота встречаемости). Данная категория представляет наиболее структурированную и институционально закреплённую форму верований, основанную на религиозных нормах и догматах. Её содержание связано с признанием трансцендентного начала, верой в волю Божью и соблюдением предписанных практик (молитвы, посты, заповеди). Смысловое ядро категории определяется внутренней установкой на доверие высшей силе и признание морально-нормативного порядка как основы личностной и социальной стабильности. Эти убеждения выполняют регулятивную и интегративную функции, обеспечивая внутреннее чувство порядка, сопричастности и духовной опоры.

2. Суеверия и народная магия (4.3/5.0 частота встречаемости). Вторая категория демонстрирует связь с архаическими формами обыденного сознания, опирающимися на традиционные запреты, знаки и бытовые ритуалы. В отличие от религиозной веры, здесь преобладает эмпирическая и передаваемая через семью традиция, лишённая системного теологического обоснования. Смысловое

ядро данной категории заключается в стремлении к снижению неопределенности повседневного опыта посредством символических действий и веры в знаково-магическую причинность. Подобные убеждения выполняют компенсаторную функцию – восстанавливают ощущение контроля и предсказуемости в бытовых ситуациях.

3. Социально-культурные традиции и ритуалы (4.0/5.0 частота встречаемости). Эта категория представляет наиболее рационализированную форму символического поведения, где соблюдение традиций и обрядов связано преимущественно с социальными нормами и культурной идентичностью, а не с верой в сверхъестественное. Смыслоное ядро категории – поддержание межпоколенной преемственности, социальной связности и идентификационной стабильности. Такие практики носят преимущественно коллективный и нормативный характер, выступая выражением принадлежности к сообществу и уважения к культурным кодам.

4. Магическое мышление и оккультизм (3.8/5.0 частота встречаемости). Эта категория отражает когнитивный стиль, характеризующийся субъективной причинностью и персонализацией событий. Верования в астрологию, гадания, амулеты и мистические символы демонстрируют перенос контроля от рационального анализа к символическим системам. В отличие от суеверий, магическое мышление более индивидуализировано и внутренне мотивировано – здесь присутствует субъективная логика «если я выполню определённое действие, произойдёт желаемое событие». Таким образом, магическое мышление выполняет адаптивную и саморегулятивную функции, создавая иллюзию контроля и связи между действием и результатом.

5. Фатализм и предопределённость (3.5/5.0 частота встречаемости). Категория фаталистических установок репрезентирует мировоззренческий полюс, противоположный активной агентности субъекта. Основной смысл заключается в убеждённости в неизбежности судьбы и отсутствии возможности изменить ход событий. Часто данные представления сопряжены с религиозными или квазирелигиозными обоснованиями, что придаёт им характер моральной или метафизической необходимости. С психологической точки зрения фатализм может рассматриваться как защитный механизм, снижающий уровень ответственности и когнитивного диссонанса в ситуации неопределенности.

6. Психологические и символические убеждения (3.4/5.0 частота встречаемости). Данная категория находится на границе между духовностью и научно-популярной психологией. Её ядро образует вера в психическую причинность событий – в то, что эмоции, мысли и намерения способны влиять на исход жизненных ситуаций. Эти убеждения отражают тенденцию к психологизации духовного опыта и служат инструментом саморегуляции, укрепляя субъективное чувство контроля и ответственности. С точки зрения когнитивной психологии, подобные установки иллюстрируют перенос внутренних состояний на внешние события, формируя особый тип символического детерминизма.

7. Эзотерические и энергетические верования (3.2/5.0 частота встречаемости). Эта категория отражает конкретический тип современного мистического мышления, формирующийся под влиянием неоиндусских, эзотерических и «нью-эйдж» представлений. Её смысловое ядро связано с идеей

всеобщей энергии, кармы, вибраций и знаков от Вселенной. Подобные убеждения отличаются от традиционных религиозных систем отсутствием институционального посредничества и субъективной интерпретацией духовного опыта. Они выполняют функцию персонализированной духовности и создают ощущение сопричастности к космическому порядку, сочетая элементы религиозной веры и психологической самопомощи.

Общая структура выявленных представлений выстраивается в континуум – от более институционализированных форм веры к внутренне мотивированным и индивидуализированным вариантам. На одном полюсе находятся религиозные практики и фаталистические установки, основанные на признании высшего детерминизма и внешнего источника смысла. На другом – более психологизированные и эзотерические верования, где человек сам становится центром духовного опыта и источником интерпретации событий. Между этими крайностями располагаются суеверия и элементы магического мышления, выполняющие роль «психологического моста», позволяющего соединить традиционные представления с субъективными попытками объяснить неопределенность окружающего мира.

Вера и иррациональные убеждения студентов нельзя рассматривать как противоположности рациональному мышлению. Скорее, они представляют собой разные способы поддержания внутреннего равновесия и эмоциональной стабильности. Для многих участников вера – в религиозном, символическом или бытовом выражении – служит источником спокойствия и уверенности, помогает сохранять ощущение контроля и предсказуемости в повседневных обстоятельствах. Особенно это заметно в ситуациях, когда рациональные механизмы адаптации оказываются недостаточными: при стрессах, экзаменах, жизненных переходах.

Такой синкретизм, как сочетание религиозных, культурных и психологических компонентов, формирует уникальный тип мировосприятия, характерный для молодых людей в условиях культурной и информационной открытости. Глобализация, медиа и западные модели мышления способствуют появлению новых форм веры, в которых традиционные образы сосуществуют с идеями энергетического или психологического влияния, «вибраций» и внутренней силы. При этом эти элементы не вытесняют религиозную традицию, а сосуществуют с ней, придавая духовности более гибкий и субъективный характер.

С психологической точки зрения вера во всех её проявлениях выполняет функции эмоциональной и смысловой регуляции. Она помогает справляться с неопределенностью, снижать тревожность, поддерживать внутреннюю согласованность и связь с социокультурной средой. Для студенческого возраста – периода формирования мировоззрения и самоидентификации – подобные установки имеют особое значение. Через них молодые люди осваивают систему ценностей, выстраивают границы личного и коллективного, ищут баланс между внутренней свободой и принадлежностью к культурной традиции.

Таким образом, выявленные результаты свидетельствуют о том, что вероориентированные и иррациональные убеждения узбекских студентов не являются следствием когнитивной наивности. Напротив, они отражают глубокий психологический процесс адаптации, поиска смысла и внутреннего порядка. Эта

система объединяет разные уровни духовного опыта – от социально-нормативных до индивидуально-экзистенциальных, обеспечивая человеку ощущение устойчивости и смысловой целостности в быстро меняющемся мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40.
2. Выготский Л.С., Лuria A.P. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс. 1993. 224.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд. М.: Смысл. 2020.
4. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
5. Andersen M.M. Predictive coding in agency detection: explaining supernatural agent detection and belief // Religion, Brain & Behavior. 2019. Vol. 9, № 1. PP. 28-45.
6. Boyer P., Liénard P. Ingredients of «Rituals» and their cognitive underpinnings // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences. 2020. Vol.17. №375(1805).
7. Epstein S. Integration of the Cognitive and the Psychodynamic Unconscious // American Psychologist. 1994. Vol. 49(8), P. 709-724.
8. Gilovich T. How We Know What Isn't So: The Fallibility Of Human Reason In Everyday Life. New York: The Free Press. 1991.
9. Hobson N.M., Schroeder J., Risen J.L., Xygalatas D., Inzlicht M. The Psychology of Rituals: An Integrative Review and Process-Based Framework // Personality and Social Psychology Review. 2018. Vol. 22. №3. PP. 260-284.
10. Legare C.H., Nielsen M. Ritual Explained: Interdisciplinary Answers To Tinbergen's Four Questions. // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences. 2020. Vol. 17. №375(1805).
11. Lindeman M., Aarnio K. Superstitious, Magical, And Paranormal Beliefs: An integrative model // Journal of Research in Personality. 2007. Vol. 41. PP. 731-744.
12. Rudski J.M., Edwards A. Malinowski. Goes To College: Factors Influencing Students' Use of Ritual and Superstition // J-Gen Psychology. 2007. Vol. 134. №4. PP. 389-403.
13. Vyse S.A. Believing in Magic: The Psychology of Superstition. 2nd ed. New York: Oxford University Press. 2014. P. 320.
14. Wiseman R., Watt C. Measuring Superstitious Belief: Why Lucky Charms Matter // The Parapsychological Association Convention. 2004. PP. 291-298.